

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «НОРМА – АНТИНОРМА»

Для современной философии, психологии, психолингвистики, нейрофизиологии и ряда других наук очевидным является неоднородность сознания, что проявляется в существовании разных видов сознания. Для рассмотрения поставленной в настоящей статье проблемы описания когнитивных механизмов функционирования языковой нормы существенным является разграничение *когнитивного* (сознания, которое представляет собой информационный тезаурус человека, образуемого упорядоченными концептами как единицами мышления, репрезентирующими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность) и *языкового* сознания (закрепленного языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных значений языковых знаков).

Феномены, соотносимые с категорией нормы, весьма многообразны и могут быть охарактеризованы с разных позиций. Констатация нормативного предполагает описание характеристик, соответствие которым рассматривается как закономерное, постоянное. Отклонение же от этих характеристик (несоответствие им) воспринимается как исключительное, случайное состояние, требующее упорядочения, приведения к норме и

последующего выяснения причин, приведших к появлению «неправильностей». Если норма есть, в сущности, обычное (узуальное, привычное, принятое или узаконенное, кодифицированное, установленное) проявление идеальной формы языка, показывающее, какими и как обычно являются ее элементы в речи, то «антиформа», ненормативное, окказиональное и т.п., – это необычное, иногда и вовсе случайное проявление языкового сознания, поскольку условием его существования выступает прежде всего необъяснимость «аномалии». Такое толкование выводит исследователя на дихотомию *«норма – аномалия»*, направляя грамматическую теорию в русло общесоциального познания мира. Основным (но не единственным) источником, стимулом и целью борьбы «нормы» и «аномалии» являются насущные языковые потребности общества, постоянно растущие потребности новых средств и способов выражения мысли вместе и в связи с развитием самого мышления. Осознание преимущества продуктивной стратегии, основанной на непосредственном запоминании и воспроизведении говорящим субъектом некоторого корпуса языкового материала, позволяет по-иному взглянуть на проблему нерегулярного, «неправильного» в строении языка.

В лингвистических исследованиях норма, отраженная в семантике языковых единиц, характеризуется как «неопределяемое оценочное понятие» [1, XXXVI], содержанием которого являются имеющиеся у субъекта оценки представления о должном. Эти представления обусловлены потребностями и целями субъекта оценки или его знаниями об обычном для данного класса объектов состояния. Направленность нормы на выявление наиболее типичных характеристик различных явлений действительности, а также многообразие средств выражения семантики нормы в разных языках позволяют отнести ее к числу универсальных познавательных категорий. На когнитивный характер категории нормы указывает также тот факт, что «выделение существующих в языке принципов разграничения нормального и ненормального важно и интересно и для того способа мышления, который нашел отражение в языке» [2, 441]. Являясь категорией индивидуального и коллективного (отраженного в языке) сознания, норма выполняет ряд важных функций (ролей) в познавательной и преобразующей деятельности человека.

Анализируя основные функции нормы, необходимо иметь в виду, что каждая из этих функций реализуется благодаря наличию у категории нормы определенного набора свойств. Эти свойства нормы, характеризующие ее как когнитивную категорию, находят отражение в семантике языковых единиц, входящих в концептуальное поле нормативности/аномальности.

По мнению Н. Д. Арутюновой, норма варьируется по следующим признакам, демонстрирующим возможность применения нормативного критерия «ко всему, что служит интересам человека»: 1) возможность ~ невозможность отклонений (абсолютность/относительность нормы); 2) социальность ~ естественность («рукотворные»/«нерукотворные» нормы); 3) позитивность ~ негативность (рекомендательные/запрещающие правила); 4) растяжимость (вариативность) ~ стандартность (среднестатистические/точные нормы); 5) диахроничность ~ синхронность (закономерность развития / правила функционирования); 6) престижность ~ непрестижность (для социальных норм) [3, 69].

В концептуальное поле ненормативности входят имена действия и результата действия. Так, для концепта *антинорма* характерны следующие противопоставления: 1) возможность ~ невоз-

можность превращения отклонения в норму; 2) градуированность ~ неградуированность отклонений; 3) позитивность ~ негативность отклонений; 4) престижность ~ непрестижность отклонений; 5) сознательность ~ нечаянность отклонений (в сфере человеческих действий); 6) наказуемость ~ ненаказуемость отклонений (в сфере поступков); 7) опасность ~ безопасность нарушений нормы [3, 75]. Такая зависимость от объекта нормативной деятельности и характера ситуации, обуславливающая изменчивость содержания концепта *норма*, позволяет выделить, вслед за Э. Лайзи, следующие разновидности норм: видовая норма (*Speziesnorm*), норма пропорции (*Proportionsnorm*), норма ожидания (*Erwartungsnorm*), ситуативная норма, или норма пригодности (*Tauglichkeitsnorm*) [4].

Основной функцией нормы является оценка тех или иных явлений, т.е. их сопоставление с основанием. Эта общая функция осуществляется как ряд последовательных более частных функций или этапов нормативной оценки. Наиболее полная, с нашей точки зрения, характеристика нормы в аспекте выполняемых ею функций представлена в определении Ю. Д. Апресяня. Согласно этому определению, норма представляет собой «оценочное понятие, описывающее либо обычное, не отклоняющееся от среднего положение вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [1, XXXIII].

Взаимодействие объективной действительности и человека в нормативно-оценочном аспекте отражается в языке, и прежде всего в его семантике, весьма сложно и многообразно. Для обозначения объекта нормативной оценки используются специальные лексические средства языка, входящие в число семантических примитивов и представленных в лексикографических толкованиях целым рядом существительных. Базой при составлении списка синонимов послужил словарь синонимов З. Е. Александровой, включающий лексему *норма* в ряд с заголовочным словом *правило*, а также дефиниции толковых словарей русского языка. Так, словарь С. И. Ожегова трактует слово *правило* (применительно к рассматриваемому социальному феномену) как ‘образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка’; в словаре Д. Н. Ушакова

значение слова *норма* раскрывается как ‘обычный, признанный обязательным порядок, состояние’. С учетом предложенных в лексикографических источниках толкований ряд синонимических лексем, соотносимых с понятием нормы на языковом уровне, составили следующие единицы: *норма, порядок, правило, образец, пример, обычай, обыкновение, привычка, граница, грань, предел, мера, рубеж, черта, линия, трафарет, стандарт, штамп, клише, шаблон, эталон, идеал, кодекс, закон, заповедь, режим, канон, рамки, стереотип* и др. Содержащееся в них указание на ценностный характер нормы ассоциируется в первую очередь с каким-либо действием (*войти в норму, держать себя в рамках*), гранью (*чувство меры, в пределах приличия*), т.е. с такими когнитивными признаками, которые характеризуют специфические черты обыденного сознания этноса.

Способность нормы к отражению явлений действительности придает этой категории объективный характер. При этом в ряде случаев необходимым условием объективности нормы является такое ее свойство, как определенная степень повторяемости и распространенности. Возникновение и функционирование нормы всегда связано «с накоплением достаточного количества аналогичных случаев» [5, 107]. «Соответствовать норме значит быть *как все и как всегда*» [6, 299]. Благодаря присущей любой норме возобновляемости, отраженная в семантике языковых единиц рациональная оценка «зависит от ценностной картины мира, нормы которой объективированы социальной практикой лингвокультурной общности» [7, 187].

Свойство повторяемости нормы находит языковое выражение в том, что основная часть наименований этой категории включает в себя указание на обычность, стереотипность обозначаемых ими ситуаций. Таковы, например, слова *норма* и *нормальный* в сочетаниях *языковая норма, нормальное телосложение* и обороты *в норме, прийти в норму*, которые называют обычное для обозначаемого объекта состояние. К ним же можно отнести лексемы *обычай, тип, традиция* и их производные, которые, называя соответствующее норме положение дел, также фиксируют внимание на его распространенность, повторяемость, характерные для определенного типа объектов, ср.: *обычная история, по обыкновению, традиционный набор, типичные ошибки, привычные*

стереотипы и т.д. Своебразно проявляется отражательная функция нормы в производных значениях языковых единиц (типа *верный, истинный, настоящий, правильный*), первоначально выражавших истинностную оценку. «Для истинностной оценки возобновляемость рассматриваемых с ее точки зрения ситуаций не является обязательным условием, поскольку проверить на истинность можно любое отображенное явление путем простого сравнения этого отражения с реальным положением дел. Объектом оценки являются в этом случае результаты интерпретации, т.е. отражение того или иного явления в сознании носителя языка» [8, 102]. При развитии у языковых единиц, первоначально выражавших истинностную оценку, способности обозначать норму это значение может быть связано не только с реальным и возобновляемым положением дел, но и с идеальными представлениями о должном, ср.: *настоящий момент и настоящий человек, верный перевод и верный путь*. Преимущественно благодаря отражательной функции нормы зафиксированы отклонения от нее, обозначенные производными с префиксом *без-* (*безногий, безумец*) или сочетаниями с предлогом *без* (*чашка без ручки, влюблен без памяти*). Эти производные слова и словосочетания обозначают отклонения от нормы путем указания на неполную, по сравнению с обычной, «комплектность» объекта оценки, отсутствие у него атрибутов, в норме присущих всем предметам данного класса.

Выполняемая нормой отражательная функция позволяет ей отделяться от воплотивших ее реальных объектов и существовать независимо от них в виде абстрактного и относительно автономного образа меры. При этом «идеальное, «субъективное» состояние общественной меры наряду с реальным объективным состоянием является необходимым условием ее бытия. Другими словами, мера в своем существовании обусловлена не только объективными, независимыми от субъекта сознания системными процессами, но одновременно и субъективным отражением последних» [9, 8-9]. Вследствие этого «основанием нормы может быть образец, стандарт, ценность как выражение, с одной стороны, объективных качеств, присущих вещам, а с другой стороны, как отношение к этим качествам агента действий» [10, 126]. Существование нормы одновременно и в виде реалии, и в виде идеального образа характеризует одно из ее основных свойств, обозначаемое

как *білateralность (двойственность)* нормы. При этом образ нормы и ее реальное воплощение «никогда не совпадают и их расхождение, пусть даже самое минимальное, практически не обнаруживаемое, неустранимо, объективно» [11, 136]. Наиболее успешно осуществляется прогнозирование повторяющихся, воспроизведимых действий, поскольку норма «потенциально содержит в себе возможность повтора того или иного варианта решения какой-либо задачи, который предусмотрен в ней, т.е. норма обладает потенциальной возможностью воспроизведения такого состояния, которое в будущем идентично настоящему» [11, 136].

В отличие от физических норм, действующих в отношении повторяющихся действий и возобновляемых объектов, норма-идеал может быть уникальной и не иметь соответствия в реальном мире. С идеалом связаны «понятие совершенства, высшая цель стремлений», не всегда достижимые в объективной действительности. Несмотря на это, «идеалы, живые и действенные высокие представления и цели, могут приобретать большую практическую силу; по И. Канту, они дают необходимую образцовую правильную меру разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде является полностью совершенным, чтобы согласно этому оценивать и измерять степень и недостаток совершенства» [12, 169]. Главным отличием идеала от других оснований нормативной оценки является его преемственная ориентация на выполнение систематизирующей и прогнозирующей функций, в то время как отражательная функция свойственна идеалу в меньшей степени, чем другим основаниям нормативной оценки. Особенности выполняемой идеалами систематизирующей функции заключаются в том, что в системе представлений о действительности, отраженных в картине мира, идеалы занимают место явлений, недоступных прямому наблюдению, но воссоздаваемых на основании знаний общих закономерностей системы. Особую роль идеалы играют в прогнозировании человеческих поступков и действий, поскольку не просто задают программу возможных действий, как другие основания нормативной оценки, но и формируют цели всей деятельности человека. Недостаточная способность идеалов к выполнению отражательной функции находит выражение в словах *идеализировать* (‘представ-

лять лучшим, чем есть в действительности’), *идеалист* (‘мечтатель, непрактичный человек’).

Сущность понятия языкового существования как раз в том и состоит, что отрицается возможность какого бы то ни было единого плана и намерения, которое могло бы всецело охватить и направить этот в принципе неохватываемый, открытый и разнонаправленно ориентированный феномен. «Регулярные, повторяющиеся узоры в языковой ткани возникают не в качестве эманаций некоего всеобщего плана, сокровенно присущего языковой интуиции говорящих, но спорадически и реактивно – тут и там, по разным поводам и применительно к разным конкретным обстоятельствам, в ходе бесчисленных аналогических соположений, посредством которых работает языковая мысль говорящих. Равным образом иррегулярности в языке возникают также спонтанно и спорадически, как неизбежное следствие разнонаправленности таких аналогий, множественности и противоречивости факторов, влияющих на мысль говорящих и направляющих ход аналогических уподоблений. Конечный результат всего этого бесконечного движения оказывается таким, каким он и должен быть, то есть в полной мере отражающим фрагментарность и реактивность языкового поведения» [13, 36]. «Антиструктурные» аспекты языка оказываются так же разрознены и неокончательно предсказуемы, также относительны и связаны с теми или иными условиями употребления, как и его «структурные» аспекты. Но именно эта спорадически складывающаяся амальгама прецедентов употребления той или иной формы как нельзя лучше соответствует стратегии употребления языка, которую мы признали оптимальной для условий языкового существования. Если бы строение языка отличалось значительно большей регулярностью и лучше поддавалось целостному рациональному осмыслению, говорящему субъекту было бы труднее перейти от первоначальной стратегии обучения, при которой любое обобщение несет очевидную и осозаемую выгоду, к стратегии употребления языка в собственном смысле. Можно сказать, что иррегулярные аспекты в устройстве языка в такой же степени помогают говорящему войти в язык как в среду, прочувствовать языковое существование как длиющийся и текучий процесс, – в какой регулярные его аспекты помогают «учиться» языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. XXII-ЛII.

2. Левин Ю.И. Избранные труды: поэтика, семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 820 с.

3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкоznания. 1987. № 3. С. 3-19.

4. Лайон Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисловием В. А. Звеницева. М.: Прогресс, 1978. 543 с.

5. Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 107-117.

6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Языки русской культуры, 1988. 896 с.

7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragmaticический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

8. Ефанова Л.Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке // Вестник ТГПУ. Вып. 4(82). Тверь, 2009. С. 101-105.

9. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 253 с.

10. Курбатов В.И. Логика. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 384 с.

11. Уреванцев Б.А. Порядок и нормы. М.: Изд-во стандартов, 1991. 240 с.

12. Губский Е.Ф. и др. Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 1998. 546 с.

13. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.

Резюме

Норманы білімнің когнитивтік парадигм арнасында зерттеу адамның ойлау қызметі негізіне жататын танымдық механизмін ашуға мүмкіндік береді. Сол себепті де мақалада жасалған «норма – антинормаға» оппозициялық талдау оның универсальды когнитивтік құрылым және өмірдің тілдік картинасының базалық бөлігі екенін мойындауға мүмкіндік береді.

Summary

Norm study in the knowledge cognitive paradigm aspect provides for the cognitive mechanisms understanding, the latter being the base of the human thinking activity. So, the «Norm – antinorm» opposition analysis makes it possible to treat it as the cognitive structure and the basic part of the world language picture.